

Как нет ребенка без родителей, так нет Человека без УЧИТЕЛЯ.

Профессия Учителя божественна. Родитель дает жизнь физическую, Учитель – духовную, социальную. Именно Учитель делает человека Человеком, научает его найти свое место в мире, обрести счастье и смысл жизни.

Война – чудовищное испытание учителя на прочность...

Настоящая повесть посвящена моему отцу – Учителю и воину.

Предисловие. Я родился в школе

По правилам жанра нужно начинать с родового древа, рассказать о своих родителях, дедушках и бабушках, кто они и откуда. И я это непременно сделаю. Но поначалу должен объяснить место своего рождения – школу. Я действительно родился 21 сентября 1950 года в здании семилетней школы в деревне Замощье Слуцкого (ныне Солигорского) района Минской области в семье учителей. Моя мама, Трофимович Анастасия Трофимовна, была учительницей русского языка и литературы. Отец, Старжинский Павел Иванович, преподавал белорусский язык. Родители жили в здании школы вместе с моим старшим братом Николаем (23.12.1949 г.р.), занимали одну из комнат. В отдельном доме, рядом со школой жил директор по фамилии Петруша, бывший морской офицер, участник Великой Отечественной войны, страстный охотник и друг моего отца, партизана и фронтовика. Жена Петруши была медсестрой и именно она приняла роды у моей мамы. Папа пошел регистрировать второго

сына, то есть меня, 16 октября. Как нередко бывает с мужчинами, он забыл точную дату рождения сына. Записали мой день рождения 16 октября – в день регистрации. Имя Валерий было выбрано в честь Валерия Павловича Чкалова.

Жизнь в Замощье была для всех нас самым счастливым временем. Для нас с братом это было золотое детство. У нас была няня – местная девочка, которая закончила семилетку и помогала своим небольшим заработком родителям, которые работали в колхозе за трудовни и денег практически не получали. Время было послевоенное, страна была в разрухе, некоторые люди жили в землянках. Все питались впроголодь. Чтобы поднимать детей, мои родители купили корову, которую звали Ласка. Она паслась прямо на школьном дворе, который представлял собой ковер из разнотравья, основу которого составлял белый клевер. На местном диалекте дикий клевер назывался «мурог». Естественно, на таких кормах Ласка давала три раза в день по ведру молока (около 30 литров). И у нас было молока немерено, а к нему масло и творог. И когда говорили, что катались как сыр в масле, так это про нас. Мама сама пекла чёрный ржаной и белый пшеничный хлеб, поскольку в магазин в Уречье или в местечко Погост ездить было далеко, да и некогда.

Я помню, как мы с братом бегали по школьным коридорам и угадывали, в каком классе работает папа, а за какой дверью скрывается мама. Нянечка как могла пресекала эти игры, но иногда нам удавалось открыть дверь в класс. Дети, увидев голову ребенка в дверях, начинали хихикать, мама оборачивалась и строго пресекала эту игру. На перерыве нянечка получала указание выводить нас на улицу и не мешать педагогическому процессу.

В отличие от учителей, люди в деревне в трудное послевоенное время жили очень голодно. По рассказам мамы, местные деревенские жители по весне собирали перезимовавшую на поле полугнилую картошку для супа и ждали первую крапиву и молодую лебеду. Большая часть жителей представляла собой вдов, которые в одиночку поднимали двух-трёх ребятишек. Иногда ученики во время уроков падали в голодный обморок. Так что война даже через пять-десять лет напоминала о себе своим звериным оскалом и забиралась, как вор, во все закутки человеческого общежития. Даже в школу.

Естественно, что во время войны школа не работала, и часть учеников-переростков не справилась с выпускными экзаменами, которые назначались после каждого класса. Причём экзамены были очень строгими, никаких послаблений и скидок не предоставлялось. Голодные, в большинстве своём страдающие заболеваниями, привлекаемые к хозяйственным работам, дети часто пропускали уроки и становились отстающими учениками. Результат – неудовлетворительные оценки по русскому языку и литературе, а затем предстоящая переэкзаменовка – очень беспокоила как учеников, так и их родителей.

Моя мама целое лето занималась с неуспевающими учениками, чтобы наверстать упущенное по программе. В конце августа на переэкзаменовке все до единого ученика справились с экзаменом и были переведены в следующий класс. За репетиторство денег ей никто не платил, поскольку в то время денег колхозникам не давали, да и мама работала не за деньги. Мне кажется, что и слова такого – репетитор – в обиходе учителей тогда ещё не было. Более того, даже наша замечательная Ласка трудилась над проблемой искоренения безграмотности. Все ученики получали от мамы перед занятиями дополнительный паек в виде стакана молока и краюхи хлеба. За лето дети посвежели лицом, произошло исцеление как физическое, так и «лингвистическое».

Следует сказать, что война и послевоенные испытания не сломили наших замечательных людей – белорусов. Деревенские жители проявляли искреннее уважение к учителю, который был для них в то время «свет в конце тоннеля». Именно с учителями и образованием они связывали надежду на светлое будущее своих детей, а значит, и своё собственное. Как бы это ни звучало высокопарно, но люди из деревенской глубинки были высоконравственными, совестливыми, кристально чистыми, готовыми прийти на помощь друг другу. И это не просто красивые слова.

О состоянии общественного сознания того времени свидетельствует такое «происшествие».

Мой старший брат Николай во время игры с деревенскими мальчишками под названием «Магазин» решил работать по Станиславскому, с его критическим «не верю». Он взял на себя функции режиссёра и заявил всем участникам игры – продавцам и покупателям – мол, надо играть по-настоящему, а не рассчитывать на фантиками. Следовательно, нужны настоящие деньги, как у взрослых. Он помчался домой и притащил целую кипу денег, которые мои родители копили

для покупки дома и возвращения обратно в деревню Козловичи, на родину моей мамы. Они до Замощья и работали в Козловичской средней школе. Но война, даже после своей официальной кончины, продолжала калечить и судьбы, и тела, – не только взрослых, но и детей. Но об этом немного позже. Именно в этой школе в 1946 году мои родители встретились, полюбили друг друга и поженились. В Козловичах родился мой старший брат.

Судя по всему, брат был наблюдательным мальчишкой и знал, что папа и мама хранили деньги в шкафу на верхней полке под полотенцами. Фантики были заменены на настоящие деньги, игра получила второе дыхание, всем очень понравилась – особенно постановщику игры. После окончания игры мой брат, для закрепления успеха и поощрения игроков, раздал все деньги участникам и зрителям, заявив, что дома ещё есть пачка денег... Пришло время обеда, все разбежались по домам. Едва переступив порог, Николай с гордостью стал рассказывать о своих новациях, которые он внёс в игру. Дальше была немая сцена, родители переглянулись, мама метнулась к шкафу и ... начались следственные действия. Были выявлены все участники игры и подсчитаны потери. Я могу представить, какие мысли возникали у моих родителей по поводу возможности купить свой дом. А в это время, пока шёл экономический «анализ и аудит», стали приходить деревенские жители и приносить деньги. В течение последующего дня благородные жители Замощья вернули все деньги до последнего рубля.

Лет через пятнадцать после этой истории я, будучи студентом пединститута, приехал домой на выходные. А в это время у нас был гость по фамилии Павлов из деревни Замощье, непосредственный участник тех событий. Он со смехом вспоминал это происшествие с деньгами. А я невольно подумал: если бы это приключение произошло сегодня, смогли бы мы вернуться в Козловичи?..

Итак, как же мы оказались в Замощье? Мою маму сослали, как теперь говорят, в неперспективную деревню (далекую от райцентров) в виде наказания за «подрыв» ученика из её класса. Некто Ж., ученик пятого класса, нашёл ручную трофейную гранату, собрал друзей и решил продемонстрировать навыки бойца Красной Армии. Он выдернул чеку, но гранату бросить не успел. В результате взрыва мальчик едва не погиб. Однако Бог милостив, мальчик остался жив, хотя и сделался инвалидом: потерял глаз и левую руку, друзья отделались лёгкими ранениями. Сразу же после взрыва была назначена прокурорская проверка причин ЧП. Проверку начали с журналов на предмет наличия соответствующих записей о беседах с учениками о запрете всяческих действий с найденными послевоенными боеприпасами. Следовало также объяснять детям, как поступать в подобных случаях. Соответствующие записи были на месте. Компетентные органы вместе с директором также провели опросы учеников, которые подтвердили, что беседы действительно проводились. И это обстоятельство спасло маму от уголовного преследования. Однако наказание все-таки состоялось.

Прошло 5 лет (для меня 4 года) учительства моих родителей в Замощской семилетней школе. По воспоминаниям моей мамы, это были лучшие годы их жизни именно по теплоте и искренности человеческих отношений между учителями и учениками.

Между тем, мои родители не оставляли мечты вернуться на прежнее место работы. Наступило время – и мы купили дом в деревне Ближние Бондари, что в двух километрах от школы, куда и переехали в июле 1954 года. С того времени мои родители возобновили работу в Козловичской средней школе, где проучительствовали до самой пенсии.

ЧАСТЬ 1.

Мой отец – родитель и биологический, и духовный

Итак, моя судьба была предрешена. Впереди была вся жизнь: школа, институт, аспирантура, докторантура... Но главный путь был начертан судьбой – труд на ниве просвещения. Куда ещё я мог пойти работать, если я родился в школе? Кроме того, выбору профессии учителя способствовало ещё одно немаловажное обстоятельство. Когда я закончил начальную школу в деревне Ближние Бондари и пошел учиться в Козловичскую среднюю школу, то вскоре осознал, что большинство учителей – наши родственники... Мои мама и папа, мамины сёстры и их мужья, мои ближайшие родственники – дяди и тёти – все были УЧИТЕЛЯМИ. Наша учительская династия Трофимовичей

(по линии мамы, у которой было 6 сестер) – ДЛИНОЙ 5 ПОКОЛЕНИЙ – НАСЧИТЫВАЕТ БОЛЕЕ 50 УЧИТЕЛЕЙ. ОБЩИЙ СТАЖ РАБОТЫ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ – БОЛЕЕ 1000 ЛЕТ.

Наша учительская династия включает в себя все школьные профессии, начиная с воспитателей в детском саду, библиотекарей, учителей практически всех дисциплин, завучей, директоров средней школы и заканчивая заведующим ГорОНО, кандидатами и докторами наук, профессорами высшей школы. Но главным фактором моей профориентации был мой отец. Именно его жизнь и судьба, особенно военная, фронтовая, казалось, даст мне ответ на вопрос о природе человека и воспитании.

Работая учителем физики в своей родной школе (хотя совсем непродолжительное время), я озабочился вопросом, который не даёт мне покоя до сих пор. Преподавая физику, я даю своим ученикам знания в сфере физико-математических дисциплин или нечто большее, чем знания? Воздействую на становление личности, формирую определенную культуру, мировоззрение, систему ценностей. И когда, и как это происходит? Теперь ответ на этот вопрос понятен, когда процесс усвоения знаний ведёт к развитию души ученика – отношения к труду, другим людям, миру в целом. Более того, разработана методология проектирования развивающей образовательной среды и оценки саморазвития личности. Однако это не философское, а лишь технологическое решение проблемы в рамках педагогической науки в условиях искусственно сконструированной образовательной среды.

С философской позиции смысл воспитания, процесс формирования личности, социально оправданных ценностей человека – тайна глубокая есть. Согласно известному философу, существует две сверхзадачи для человечества: «Звёздное небо над головой», то есть тайна мироздания, природного космоса, и тайна космоса человеческого, смысл которого и состоит в природе воспитания, формирования человека. Смысл самой философии также связан с ответом на вопрос: «Каким надо быть, чтобы быть человеком?». Именно это главное для учителя – воспитать счастливого, гармоничного человека. По-моему, настоящие учителя не только знают секреты воспитания, но и практически его осуществляют, становясь духовными родителями для своих учеников наряду с биологическими. Мне в этом смысле выпал счастливый билет.

После выбора профессии прошло много лет. Я стал учителем, преподавателем философии, и по-прежнему мучаюсь над этой же проблемой воспитания, формирования личности. Хотя теперь акценты этой проблемы несколько другие – личность учителя, его миссия и призвание. Кого можно назвать Учителем с большой буквы? И когда, каким таинственным образом эта самая малая буква «у» превращается в большую? Другая не менее важная проблема – социальная среда, которую нельзя искусственно сконструировать в отличие от образовательно-дидактической. Именно социальная среда, деформированная злом и насилием, становится сильнее всякой педагогики и сама в нее превращается по причине экзистенциального воздействия на человека.

Размышляя над этими проблемами, я пришёл к весьма неожиданным выводам. Неожиданным не для себя, а для официальной педагогики. Если рассматривать проблему воспитания с практико-ориентированной позиции, то становится ясно, что гуманизация образования, снижение требований и забота только о комфорте ученика зачастую приводит к противоположному – деградации его личности. Более того, насилие и страдание, которым он подвергается иногда в реальной жизни, не рассматриваются в педагогике как факторы воспитания. И эта позиция уводит современную педагогику в своеобразную идиллию взаимоотношений учеников и педагогов, обретающихся в тиши кабинетов и уютного комфорта. Смысл такого воспитания «аквариумный», поскольку зло, которое присутствует в реальной жизни, просто не замечается и всячески изгоняется из гуманной педагогики. Несмотря на деструктивную роль «стрелялок-догонялок» современных СМИ и интернета, в педагогике зло не рассматривается как фактор воспитания, педагогика насилия под запретом и всячески осуждается. Более того, педагогу следует защищать воспитанника от страданий. Против этого возражать кощунственно. Но как быть с реальной жизнью... Возьмите хотя бы тот же буллинг, домашнее насилие... Похоже, что одной педагогике с этим не справиться... Как бы мы ни закрывали глаза, добро и зло идут рука об руку и выступают как значительные факторы формирования личности. Особенно в экстремальных ситуациях...

Страдания либо закаляют человеческую душу и делают человека высоконравственным, либо испепеляют её и не оставляют в душе человеческой ничего святого. Почему так происходит? Вот это для меня пока является тайной. И я полагаю, что не только для меня. Но я знаю ответ на вопрос о роли страданий на уровне практической педагогики, так называемых уроков жизни. Как мне кажет-

ся, судьба моего отца даёт возможность понять эти невыносимые проблемы антигуманной педагогики. Мой отец, учитель, попал в мясорубку войны, насилия и страданий. Античеловеческие условия сделали его, рафинированного интеллигента, дворянина по происхождению, ещё более гуманным и милосердным. Как это получается, что зло, насилие порождает добродетель? Как происходит духовное взросление, как рождается настоящий учитель, «гуру», учитель по жизни, Учитель с большой буквы? Именно об этом пойдет речь.

Нельзя расслабляться

Однако прежде чем попрощаться с этим милым Замошьем, я должен рассказать ещё об одном курьезном событии, которое произошло с моими дорогими родителями и их друзьями. ...

Прошло 6 или 7 лет после войны, а она, проклятая, никак не хотела уходить из жизни моего отца, да и всех людей вокруг. Когда она полыхала пожарами, взрывами, выстрелами, принося страдания и смерть, – была понятна ее кровожадная сущность, но даже когда наступил мир – почему война продолжает бить, кусать, жалить «изподтишка»? Война даже в мелочах пыталась убедить, что жизнь – не только разноцветная радуга на ярко-голубом небе, но и свинцовые тучи и грозовые разряды молний, и проливной дождь.

Это случилось в последнее воскресенье августа, сразу после удачной переэкзаменовки, которая стала одним из счастливых событий на пути из войны в мирную жизнь. Паша рано утром сел на велосипед и помчался в родную деревню Кутнево, где проживал его отец Иван Петрович и сестра Маня, чтобы проведать и помочь по хозяйству. Домашняя работа, не только для женщины, но для хозяина бесконечна, то есть конца ей не видно. Мой отец поправил обвалившийся плетень, «катухи» для двух свинок, которых завели, чтобы прокормиться, выбросил навоз из-под коровы и распрощался.

По словам супруги Анастасии, дома всё было в порядке и всё хорошо. Однако присмотревшись внимательно, Паша заметил заплаканные глаза жены и стал выяснять, что случилось. Все началось с пустяка. Жена директора школы, медсестра Анна, гуляя по двору, «вляпалась» в прямом смысле. Дело в том, что коровы не только дают молоко, едят травушку-муравушку, но осуществляют процессы, обратные питью и еде. Следует сказать, что Анна была горожанка, моложе супруга лет на десять и согласилась поехать директорствовать в деревню с мужем в виде большого одолжения. Её многое раздражало из сельского быта, особенно туалет на улице. А тут такое... Она пошла к Насте и сказала всё, что она думает по поводу такой жизни и ненормированной работы её якобы подружки-учительницы. Её раздражала не только корова с её непотребствами, но и дети, которые целыми днями сновали по школьному двору и нарушали её внутренний комфорт. Не давали ей принимать солнечные ванны для здоровья и красивого цвета лица. Она решила это прекратить и наставить на путь истинный соседку.

Анна стала выговаривать моей маме за ее якобы ненужную активность и приводила в пример себя. В пять часов амбулатория закрывается, воскресенье – выходной. На что моя мама отвечала, что Анна не понимает сути педагогической работы, что... Последовали новые обвинения. И тут Настя не выдержала, решила ответить ударом на удар, побольнее уколоть, задеть за живое. И надо сказать, ей это блестяще удалось. Она заявила, что Анна не любит детей, поэтому Бог не даёт ей собственного ребенка. Это было уж слишком! Перешли на личности, понесли оскорбления с обеих сторон. Разразился женский скандал, непредсказуемый и беспощадный.

Не успела моя мама со слезами на глазах, вновь переживая полученные обиды и душевную боль, поведать о состоявшейся «битве», как Анна появилась на пороге со свертком в руках. Буквально с порога она заявила, что не хочет с обидчицей иметь никакого дела и возвращает подарок, который ей подарили супруги-обидчики на её день рождения буквально пару дней назад. Паша распахнул дверь, пригласил Анну войти, имея благое намерение примирить враждующие стороны.

Однако не тут-то было. Анна порог не переступила, в дом не вошла и тут же стала Паше изливать свои претензии теперь уже к ним обоим, но прежде всего к Насте. Паша опыта арбитра в таких баталиях не имел и наивно вознамерился разрулить женский скандал. Вначале он стал уговаривать, призывал успокоиться, одуматься, пытался всё превратить в шутку. Анна ехидно улыбалась и ждала,

по-видимому, оправдания своей позиции. Но когда Паша попытался объяснить законное право своей коровы существовать в этом дворе, а детей – получать консультации, то Анна применила главное оружие – она зловеще выдала фразу, от которой всем стало не по себе: «А ты, враг народа, непонятно как избежавший законного наказания, помалкивай. Если не хочешь опять оказаться в тюрьме». Затем гордо, не побеждённая, удалилась.

Паша остолбенел от удара, Настя не меньше супруга была ошарашена. Удар был настолько сильный и несправедливый, жестокий и подлый, – как удар в спину от друга, – что Паша замолк на полуслове, махнул рукой и вышел на крыльцо. Затем он вернулся в дом, взял папиросы «Беломорканал» и в полном смятении духа пошёл куда глаза глядят. Ну и собака женского рода эта Аська. Разве можно так подличать... Она упрекает меня в том, что я во время войны с фашистами, защищая и ее, чуть не утонул в этой дурацкой реке Нейсе, чуть не был добит фашистом из автомата, чуть не отдал Богу душу в концлагере, чуть... Все эти превратности судьбы она мне вменяет в вину. Мол, сам виноват. Никто не требует сочувствия и сострадания, но обвинять в измене Родине, делать врагом народа... Это уж слишком.

Получается, с её иезуитской логикой, что он же и виноват во всех бедах и несчастьях, да и ещё неизвестно, как выпутался из серьёзных обвинений. Ну и с-ка! А этот морячок тоже хорош. Зачем пересказывать этой лахудре наши боевые байки, которые поведали друг другу за рюмкой чая. Более правильно сказать, плёл байки Петруша. В его рассказе было много нестыковок. Он так и не объяснил, что его заставило скоропалительно уехать из Ленинграда учительствовать на свою малую родину. Паша по своей простоте душевной и искренности настоящей мужской дружбы поведал, как он встретил окончание войны. И после всего произошедшего он понял, что больше об этом никто и никогда не услышит.

Прошло много лет, появился рассказ М. Шолохова, а затем вышел фильм «Судьба человека». Плен перестал быть позором, а пленные – предателями родины. Мой отец, Павел Иванович, пытается придать этому событию характер не очень весёлого приключения, поведал о своём «лечебном голодании» в немецком плену. Но вначале требуется объяснить, кто же он – мой отец, изложить его биографию.

Мой отец, Старжинский Павел Иванович, родился 1 октября 1921 года в деревне Кутнево Слуцкого (ныне Солигорского) р-на Минской области БССР.

Его отец Старжинский Иван Петрович (1883 – 1955 гг.) был родом из обедневшей шляхты, или однодворцев. Мать – Мария Фоминична Старжинская (Арестович) (1883 – 1923 гг.) также была шляхетского рода. Его старший брат Михаил (1904 – 1920 гг.) умер в юном возрасте. Когда отцу исполнилось 3 года, умерла его мама, поднимала своего брата, заменила маму ему родная сестра Старжинская Мария Ивановна (18.02.1911 – 10.05.1998 гг.). После окончания Погостской средней школы мой отец поступил в Рогачевский учительский институт, где получил профессию учителя русского и белорусского языка и литературы. По направлению год до войны работал учителем в семилетней школе в дер. Сковшин Старобинского района. Во время Великой Отечественной войны воевал с фашистами в составе партизанского отряда им. Александра Невского, бригады

№ 25 им. Пономаренко, действовавшей на территории Любанского района Минской области, в составе разведгруппы с 23 августа 1943 года по июль 1944 года. Партизанский отряд им. Александра Невского дислоцировался среди болот, в непроходимых для врага местах. Там находились и сражались с фашистами белорусские партизаны – подлинны патриоты и защитники своей Родины. На любанщине была партизанская зона, где не ступала нога фашистского агрессора, висели советские вывески, действовала Советская власть. После освобождения Белоруссии отец добровольно (имел бронь как учитель) пошёл на фронт. В рядах Красной Армии принимал участие в боевых действиях. Воевал на фронтах в составе 96 стрелковой дивизии, освобождал Восточную Пруссию. Во время боя, при форсировании на подручных средствах рек Одера и Нейсе был контужен и попал в плен. Через месяц пленения освобождён войсками союзников и после отказа ехать на работы в США передан в фильтрационный лагерь. После проверки советской контрразведкой был направлен для продолжения службы в фронтовой артиллерийский склад № 3740 в одном из городов поверженной Германии. Награждён боевыми орденами и медалями. Уволен в запас 19.05.1946 года. С сентября 1946 года был направлен на работу в Козловичскую среднюю школу, где проработал до 1982 года.

С 1964 по 1966 года учился на заочном отделении филфака Минского педагогического института имени М. Горького. Учительский стаж Старжинского Павла Ивановича составляет 37 лет. Такова краткая биография.

ЧАСТЬ 2.

Малая Родина. Деревня Кутнево

Как утверждает Е. Король¹, научный сотрудник ГУК «Солигорский краеведческий музей», территория нашего края входила в Слуцкий уезд в составе Вызненской, Старобинской и Погостской волостей. По состоянию на 1 января 1870 года на территории современного Солигорского района было 55 населенных пунктов, а население составляло порядка 30 тысяч человек. Основной массой населения были семьи крестьян-собственников, государственные же крестьяне проживали в деревнях Поповцы, Морочь, Ананчицы, Красное Озеро. Деревня Кутнево полностью состояла из семей обедневшей шляхты или однодворцев. Кроме того, однодворцы встречались в местечке Погост, в деревнях Зажевичи, Краснодворцы, Терушки, Тесово.

Деревня Кутнево отличалась от других поселений не только своим шляхетским (шляхта – обедневшие дворяне) составом, но и своей особой, я бы сказал, высокой культурой. Они практически не применяли в своей речи ненормативную лексику, не употребляли без меры спиртные напитки. Это зачастую сопровождалось в других деревнях насмешками «вы пьёте как кутнёвские – сотку на семерых». В этой шляхетской деревне парни женились только на ровне – невестах из шляхетского рода. Мой дед не был исключением и выбрал невесту Марию Фоминичну Арестович (1883 – 1923 гг.) из дер. Малая Сливка Слуцкого района, в которой тоже жила (и живёт) шляхта. В этих деревнях сохранился частично польский говор, например, усадьба называлась «седас», они применяли такие слова как «цимус», «застенюк», «клек» и др.

Однажды в Государственном историческом архиве РБ мне на глаза попалось «Дело о дворянском происхождении рода Старжинских». При изучении этого дела я нашёл записи Погостской церкви о рождении Петра, моего прадеда – отца моего деда Ивана Петровича. Так удалось восстановить наш дворянский род Старжинских до 13 поколения. Об этом можно прочитать подробнее в интернете «Как стать дворянином».

Однако вернёмся в Кутнево. Говорят, что эта деревня – одна из старейших в Слуцком уезде, ей насчитывается более пятисот лет. О ней существует отдельное исследование, которое, к сожалению, найти не удалось. Интересно также её географическое местоположение. Деревня Кутнево находится в двух километрах от местечка Погост по дороге на Любань. Расположена она в своеобразном природном закутке, так что её не видно с большака (так называлась в то время дорога), поскольку находится за невысокой горкой, поросшей тогда невысокими берёзками, а в настоящее время это уже берёзовая роща. Кажется, про нашу малую Родину написал поэт: «Мой родны кут, як ты мне мілы, забыць цябе не маю сілы». Дома находились на этой улице в то время только с противоположной стороны от горки, которая представляла главную достопримечательность и главную детскую площадку. (Замечу с горечью, что в настоящее время традиция односторонней застройки нарушена). Санки для скатывания с горы мастерили большие (по сравнению с нынешними), по аналогии с розвальнями для взрослых. На них помещалось 7-8 ребятишек, неслись эти минирозвальни с большой скоростью и сопровождалась криками и смехом счастливых ребятишек. Отец мастерил и коньки из дерева с металлическими полозьями из проволоки, коньки крепились при помощи кожаных ремешков на лапти, которые носило большинство и взрослых, и детей.

Уроки воспитания. Урок 1. Нравственный смысл потерь и обретений

Однажды зимой, в возрасте 6-7 лет Паша, как называли его отец и сестра, катался с горы с друзьями и, в частности, со своим другом Анатолием Рунцевичем, который был на год моложе его. После покатушек пошли к Анатолию домой пить молоко с булками, которые испекла его мама и позвала перекусить. Возвращаясь домой, – а друзья жили по соседству, – Паша заметил сверток, лежавший

¹ <https://www.lider-press.by/novosti/istoricheskaya-stranichka/927-istoriya-soligorskogo-kraya>

на дороге, еле заметный в снегу. Развернув платочек, Паша не поверил своим глазам – в свертке были деньги, много денег. Ну вот, наконец-то можно будет купить настоящие коньки, одежду в школу и ... Паша на крыльях летел домой, поделиться находкой с отцом и сестрой.

Иван Петрович осмотрел сверток, пересчитал деньги и вынес решение: коньки купим к следующей зиме, эта уже на исходе; обновку к школе справим за свои деньги, на следующие выходные поедем в Погост на базар; а найденные деньги следует отдать женщине, которая продала корову и, возвращаясь домой с базара, их нечаянно потеряла. Кстати сказать, в 1930 году корова стоила 30–50 руб., а средняя зарплата составляла около 65 руб.¹. В свертке и было 40 рублей, что дало возможность Ивану Петровичу проявить способности Шерлока Холмса и восстановить картину происходящего. На вопрос сына, а почему именно женщина уронила сверток, отец ответил, что муж управлялся с лошадью, был возницей, а жена, как хранительница очага, выступала в качестве инкассатора. Дальше было сказано: «Одевайся и пошли встречать Машу-растеряшу, чтобы вернуть деньги».

Не успел Паша с отцом выйти на улицу, как они услышали причитания и плач женщины, которая искала потерю и зывала к совести людей: «Люди добрые, кто нашёл, отдайте, Христа ради, хоть часть денег! Кормилицу продали, детей малых четверо, пропадём... Не дайте умереть!». Она шла по улице, причитала и голосила, как во время похорон. Паша стоял с протянутой рукой, в которой был не просто сверток с деньгами, он держал в руках утерянное счастье и надежду, что горе не вечно длится и скоро сменится радостью. Осознал он это, правда, намного позже, когда мучился от бессонницы, от неизвестности, от страха возможного расстрела, от тихой надежды на хороший исход, лежа на нарах в немецкой тюрьме в Погосте, обвиняемый в убийстве. А сейчас Пашу поразила метаморфоза, произошедшая с её лицом, полным вселенского горя и отчаяния. Поравнявшись с мальчиком и его отцом, женщина внезапно замолкла. Наступила звенящая тишина. И вдруг как будто кто-то ударил её в самое сердце. Со слезами радости и умиления она бросилась на колени перед Иваном Петровичем и стала обнимать и целовать ему ноги, схватила за руку и стала прижимать к сердцу. Затем обратила взор на малыша и опять зашла в причитаниях: «Господи, дай этим людям добра, счастья и здоровья. Дай Бог тебе, хлопчик, долгой, долгой жизни, пусть никакая хворь тебя не затронет, пусть все напасти тебя минуют». Она что-то ещё хотела сказать, но рыдания заглушили все слова, слезы радости, избавления от страданий, счастье обрётённой надежды были сильнее слов.

Ехавший позади на санях возница, её муж, не выдержал и закричал: «Ну хватит, Маня! Всё уже кончилось. Дай хлопчику подарок и поехали». Мария выпрямилась, дрожащими руками развязала узелок и дала ему 1 рубль, потом опять стала на колени перед ними и опять целовала руки.

Паша ночью не мог долго уснуть, перед ним сияли в темноте глаза осчастливленной им Марии, полные слез радости, умиления и не погасшего еще страдания. Затем он провалился в сладкий, глубокий детский сон. Сон был недолгим, но он запомнил его на всю жизнь. Женщина, которая потеряла деньги, а потом их нашла, оказалась похожей на Деву Марию, которую он видел на иконе в Погостской церкви, где был с отцом на пасхальном богослужении. Ему казалось, что похожей она стала немножко на его маму, когда увидела его с протянутым узелком. Её лицо одновременно светилось от счастья и было подернуто дымкой великой скорби. Она хотела его взять на руки как младенца на иконе, а он сопротивлялся. Он тихо лежал без сна и думал: «Зачем она хотела меня взять на руки, она ведь не моя мама. Ведь моя мама вознеслась на небо. Неужели это была она?».

Наконец он уснул опять, и теперь вместо благостных видений начались кошмары. Он сомневался в том, что они правильно сделали, что вернули утерянное. Теперь стало два Паши. Один утверждал, что не надо присваивать чужое, нельзя причинять страдания другим людям. Другой тихонько возражал: «А если бы женщина не появилась, то не нужно было бы возвращать деньги. Вот тогда бы мы разбогатели».

Наутро он поделился этой мыслью с отцом и получил ответ. Если бы Маня не нашла нас, то мы бы сами пошли её искать. И тут Паша понял раз и навсегда. Нельзя приносить страдания людям никаким образом, даже если не ты источник их страданий. И после этого ему стало радостно на душе, неразрешимая для него дилемма разрешилась тихим счастьем. Ну а венцом счастья стали настоящие, металлические коньки, на которых он катался уже этой зимой.

¹ <https://www.proza.ru/2002/08/25-40>

Сон про Маню, которая была очень похожа на маму и одновременно на Деву Марию, он не стал пересказывать папе, поскольку не хотел его омрачать. Всякий раз, когда он спрашивал про свою маму, отец тускнел и словно собирался заплакать, как маленький мальчик. И Паше было жалко папу. Также он не хотел быть ябедой, и не хотел жаловаться на больших мальчишек с соседней улицы, которые его задирали, кричали «Рыжий!». Не всегда ему хватало места на санях – розвальнях при покатушках с горы. Единственный и настоящий друг Толян всегда за него заступался и приходил на помощь.

Надо сказать, что Паша был невысокий и худенький, конопатый мальчик. Он пошёл в свою маму и был шатеном, в отличие от отца, похожего на цыгана – чёрного как смоль и кудрявого. Вскоре после случая с деньгами отцу стало известно об уличных проблемах сына, довольно тщедушного мальчика, которому уже исполнилось 5 лет. Иван Петрович стал закалять пацана и приучать к различным физическим упражнениям, помимо посильной домашней работы. Однажды, в классе пятом он и его друг Толян построили турник на седесе у Паши. Нашли пару железяк, которые таскали наперегонки, кто больше выжмет. Дошли до настоящих силовых упражнений, работая с металлической осью от телеги. Два друга постепенно превращались в афинских гладиаторов. По силе рук, жимам и другим физическим показателям им не было равных не только в деревне, но и в районе. Об этом говорили результаты различных соревнований ОСОВИАХИМА, ГТО, ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК и др. И это обстоятельство – крепкое телосложение, накачанные мышцы – имело далеко идущие, судьбоносные последствия для обоих. Что касается Паши, то это наверняка.

Урок 2. Справедливость и милосердие

С тех пор прошло около семи лет. Иван Петрович по-прежнему считал большевиков христопродавцами, в колхоз идти не хотел, а, чтобы не подвергаться репрессиям и иметь постоянный заработок, устроился на работу в Погостскую хлебопекарню развозить по деревням и продавать хлеб. У них в семье была корова, а также лошадь и голубой фургончик для развозки хлеба с навесом для возницы. Естественно, что для домашней живности нужно было заготавливать на зиму много сена. Сено заготавливали в 25 км на болоте в Старобинском районе. Именно там, на сенокосе и произошло второе происшествие, имевшее колоссальный воспитательный эффект.

Однако коснёмся большевистской идеологии и домашнего идеологического воспитания. Отношение Ивана Петровича к Советской власти, которую установили большевики, было отрицательным. К 30-му году в Беларуси была в основном завершена коллективизация, которая осуществлялась при помощи жесточайшего насилия: реквизиции, аресты, высылки. Руководили всем этим беззаконием на местах комбеды (комитеты бедноты), в состав которых наряду с настоящими коммунистами входили лодыри и бездельники. По меткому выражению Ивана Петровича – «пустодомки». И ещё, Иван Петрович был очень набожным человеком, соблюдал все посты, ходил в церковь, не садился за трапезу, не помолвившись. И несмотря на это, он не был фанатичным христианином. Когда пришло время поступать Паше в пионеры, а затем в комсомол, его отец этому не препятствовал. Напутствовал, чтобы помнил христианские заповеди и всегда поступал в соответствии с совестью.

Пионеры и комсомольцы были оптимистами. Они строили новый мир – мир справедливости и равноправия.

«Нам десять лет Америку догнать и перегнать,
Давайте, пионерия, уверенной шагать»

А теперь заглянем к старобинским заготовителям на сенокос. Выезжали всей семьёй, на две – три недели. Надо было не просто накосить травы, слегка подвялить, а затем вытащить её на двух жердях-«носилках» на грудок – высокое место, высушить и сметать в стога, чтобы зимой по замерзшему вывезти. Сена надо было заготовить пудов 200. Заранее готовились к сенокосной страде. Сестра Мария готовила сало, хлеб, картошку и другую снедь. Иван Петрович готовил транспорт, а главное, косу – основное средство производства. Косу следовало правильно отбить – отклепать «правильным» (без зазубрин и вмятин на рабочей поверхности)

молотком на специальном приспособлении – «бабке», затем наточить при помощи «менташки», специального наждачного камня на длинной ручке. Следовало также изготовить «косильно», на которое крепится коса, установить косу под определенным углом, для того чтобы она хорошо косила траву. Говоря техническим языком, главное было настроить косу, установить правильный угол атаки.

На этот сенокос ехали с обновкой. Иван Петрович купил новую косу в Погостском сельпо, и сделал к ней новое косильно, а старую оставили дома за ненадобностью, так как она из-за долгого использования и зачехек сильно исхудала и значительно уступала своей молодой конкурентке. Выехали рано, около 5 утра, в дороге были немного больше 5 часов, лошадь была своя и бегом её гонять жалко. Пока готовили будан – шалаш из ольховых веток, травяную подстилку, – наступило время обеда, затем прилегли отдохнуть. Паша попросил у отца урок косьбы – коса не слушалась, то оставляла не скошенные проплешины, то зарывалась в землю. Постепенно дело налаживалась, однако отцу было жалко новую косу и решили, что продолжение обучения продолжится на старой косе, а сейчас Пашу будут использовать на подсобных работах – в качестве носильщика. Паша поставил косу за буданом и пошёл искать своего друга Анатолия. Кстати, на заготовку сена приехало полдеревни – все, у кого были коровы и кони.

Встали с первыми лучами солнца около пяти утра, наскоро позавтракали и решили идти на место косьбы, однако... коса пропала. Паша клялся головой, что он её не бросил на болоте, а принёс, обтёр травой жало косы и положил за буданом. Поиски не увенчались успехом. Постепенно пришло осознание, что косу стащили. Иван Петрович пошёл за лошадью, которая стреноженная паслась на сенокосе, чтобы ехать домой за старой косой. Пока собирали ссобойку и готовили лошадь к верховой езде (телегу запрягать не было надобности), примчался возбуждённый Паша и закричал, что не надо никуда ехать, что он нашёл косу – ею косит Прасковья, женщина с соседней улицы. Иван Петрович ему возражал и преподавал урок не только ему, но, как оказалось, впоследствии и мне. Надо ехать за старой косой непременно. Поскольку Параска вдова и у неё трое детей, то кто ей купит и настроит косу? Поэтому женщину надо простить и помочь. Тем более, наша коса как бритва, ей будет легко управляться с этим нелёгким делом. Поздним вечером Иван Петрович возвратился со старой надёжной косой.

Прошло немало лет с той поры. Я рассказал эту историю своим студентам и спросил: «А вы как бы поступили?» Все ответили – по справедливости. Раз коса принадлежала нам, то и вернуть её надо законному владельцу. И ни один из них не понял, что милосердие и добродетель выше справедливости. Я безуспешно пытался им объяснить основу нашей христианской морали и менталитет нашей загадочной славянской души. Во всяком случае, мне так казалось, что безуспешно. Теперь я изменил свое мнение в лучшую сторону. И этому несколько причин.

Мой отец рассказывал о том, с какой ненавистью они били фашистского зверя. И самое удивительное состояло в том, что желание справедливого возмездия стало исчезать по мере продвижения вглубь территории агрессора. Желание отомстить за смерть друзей-фронтовиков, партизан, женщин, стариков и детей, за скотское человеконенавистническое отношение к нашим военнопленным, за отношение к славянам как унтерменшам – недочеловекам, за фабрики смерти... постепенно исчезало. И это было связано с прикосновением к душам гражданских людей, пониманием того, что нельзя уподобляться «насильникам, грабителям, мучителям...». Священная война предполагает милосердие к побеждённым, особенно гражданскому населению. Всякое искушение отомстить испарялось во всякой истинно Христианской душе, когда воин-освободитель видел испуганные глаза немецких женщин стариков и детей. Они же не были виноваты и не могли нести ответственность за те злодеяния, которые творили фашисты. Первыми преодолели искушение грехом мщения наши Солдаты. Именно советский воин ПРОСТИЛ вначале гражданское население, а затем всех немцев... А можно было превратить Германию в выжженное поле, чтобы фашизм никогда не возродился. Оценила ли просвещённая Европа благородство человеческого духа славян и сделала ли выводы? Вопросы остаются без ответов. Вернее, ответ, скорее, отрицательный. Я до сих пор не могу ответить на вопрос: добро должно быть с кулаками?

Воспитание по-настоящему или игры со смертью

Я не думаю, что есть люди, которые не боятся смерти. Даже маленькие дети в случае небольшой ранки и вида крови начинают орать как резаные. Так случилось с моим племянником Димой. На вопрос «Чего ты так вопишь? Что, сильно болит?» он ответил, что не очень. А вопит он оттого, что вся кровь из него вытечет и он может умереть. Взрослые, понятное дело, понимают смертельную опасность. Но когда смерть смотрит в глаза пристально и неоднократно, каким она делает человека? Таким, каков был мой отец – бесстрашным, знающим цену жизни и смерти, настоящим Христианином.

Урок № 1. Прелюдия. Первая встреча со смертью

Лет двадцать пять назад мой шурин Николай Иванович купил седас (земельный участок в 30 соток) в деревне Кутнево, чтобы построить дачу. На участке все постройки сгорели, даже садовых деревьев не осталось, только полуразрушенный погреб. Во время оформления документов он не удержался и для наведения пушного контакта заявил, что его тесть родом из Кутнева. Продавец участка после того как узнала фамилию, заявила, что продавать участок зятю Старжинского П.И. не будет, поскольку он очень плохой человек. Все оторопели от такого поворота событий и попросили её объяснить причину отказа. И вот что она поведала.

Летом 1942 года на этом седасе произошло убийство её тети. Сестра Павла Ивановича Мария ударом лопаты по голове убила сестру хозяйки седаса. Разумеется, что это убийство было непреднамеренное. Началось со спора о том, что немцы якобы наведут порядок и жить будем хорошо. Хозяйка осуждала людей, которые ушли в партизаны и организовали сопротивление фашистам. Мария Ивановна умела постоять за себя и за Родину, за словом в карман не лезла, свара переросла в потасовку с тасканием за волосы друг друга. Хозяйка имела преимущество в весе, кроме того, Мария Ивановна была криворукая: то ли от рождения, то ли от болезни у нее левая рука усохла и была практически без мышц. Кстати, это не помешало ей впоследствии стать стахановкой, так как она была очень «увишная». В работе с ней никто сравниться не мог. За эту одержимость работой ей дали кличку «Маня-вертолет». Драка закончилась тем, что поверженная на землю Мария изловчилась, выскользнула из-под обидчицы, схватила лопату, стоявшую возле забора и ударила её по голове.

Рана оказалась смертельной. После заявления о случившемся в немецкую управу, которая находилась в Погосте, приехали полицаи для ареста Марии и препровождения её в тюрьму. Иван Петрович утвердил на семейном совете предложение Паши взять на себя убийство. Пока собирали узелок с бельем, краюху хлеба и небольшой шматок сала, сестра не выдержала и зарыдала в голос. Она смотрела на брата таким взглядом, что выдержать его было невозможно. Её губы шептали беззвучно: «А может, я пойду? Это же я преступница». Паша читал в её глазах мольбу, раскаяние, страдание за себя и невинного брата. Завязав узелок, он, глядя прямо в полные слез глаза Марии, решительно повертел туда-сюда головой. И она поняла его без слов, что решение окончательное и пересмотру не подлежит. И рыдания её стали сильнее. И это стало невыносимо. Паша быстро подошёл, обнял отца, затем Марию. С силой разорвал объятия и решительно вышел на улицу, где его поджидала арестантская телега. Полицаи-конвоиры следом вышли из хаты. Все погрузились в возок и Паша добровольно направился в тюрьму. Разве мог он знать, что это первое его заточение будет далеко не последним? И каждое последующее его попадание в неволю будет всё безжалостнее и жесточеннее испытывать его на прочность, угрожая его лишиться жизни. Началось расследование, всплыли неприемлемые с точки зрения немцев факты и идеологическая причина конфликта. Паше грозила смертная казнь.

Лёжа на нарах в немецкой тюрьме, Паша заметил, что с ним происходит что-то неладное. Он не мог спать и просыпался от одного и того же видения. Перед ним как живой предстал образ сестры Мани – мамы Марии Фоминичны, Девы Марии. Он не мог понять, как три женщины воплощаются в одном образе. А затем появилась еще одна Мария-страдалица, обретшая счастье. Паше казалось, что он сходит с ума. Страх смерти порождал видения и он не мог с этим справиться. Эта обобщённая, каждый раз меняющая свой облик Мария хотела прийти ему на помощь, подсказать, а он безумно

сопротивлялся. Последний сон был связан с его детством. Мария опять протягивала ему знакомый свёрток со словами: «Не упрямясь, возьми это. Так ты найдёшь своё спасение». После этого видения исчезли, и он поверил, что останется жить. Он был уверен в этом. И тихо радовался предстоящей свободе.

А в это время знакомый Ивана Петровича, который служил в немецкой управе, подсказал решение проблемы: надо дать взятку начальнику полиции. Иван Петрович достал из тайника в доме под балкой свои сбережения, 20 золотых червонцев. Отложил два, – по одному сыну и дочери, и спрятал обратно в тайник. На остальные выкупил сына от неминуемой казни. Сестра Мария Ивановна вспомнила про червонцы значительно позже, когда на седесе уже не было их родной хаты, она сгорела при пожаре. Вскоре Паша, очутившись на свободе, ушёл в партизаны воевать с фашистами.

А что с участком? Участок купили, и Николай Иванович построил чудесную дачу. Племянницу убиенной хозяйки удалось убедить, что Павел Иванович не виновен. Все это Николай Иванович долго держал в секрете и только после смерти Марии Ивановны он поведал нам эту историю. Стало понятно, почему Мария Ивановна никогда не соглашалась поехать в Кутнево на дачу.

Урок № 2. Вторая встреча со смертью

В этой истории те же главные действующие лица и исполнители. Мой отец был заместителем командира разведгруппы в партизанском отряде. А командиром был Павелко, судя по имени, украинец. Совместные рейды в тылу врага сблизили, два Паши стали неразлучными друзьями. Однажды во время рейда они пошли в деревню Застаринье (точное название не помню) за провиантом и тёплыми вещами. Добрые люди сами делились с партизанами последним, чем могли, помогали. Они понимали, что значит зимовать в лесу, подвергаясь смертельной опасности. Часть населения неприязненно относилась к партизанским поборам. Несколько человек были связными с партизанским отрядом и заранее собирали ценные разведданные и материальную помощь. В деревнях были и предатели, завербованные немцами.

К сожалению, последняя вылазка оказалось неудачной – ни тёплых вещей, ни провианта не было. Связная подсказала, что в соседней деревне живёт Марфа, у которой есть всё, но она делиться не будет, т.к. в каком-то партизанском отряде (в Любанском районе было несколько отрядов) находится её брат и занимает начальствующий пост.

Марфа встретила не просто враждебно, она сразу стала угрожать неминуемыми последствиями и «посадила на коня» Павелко. Он снял с шеи автомат и тихо произнес сквозь зубы: «Если всё не принесёшь, не увяжешь в клунки, то мы тебя тут же и уложим в этой хате. И пожаловаться ты никому уже не сможешь. Так что давай пошевеливайся!». Она поняла интуитивно, что партизан не шутит и быстро выполнила все, что от неё требовали.

Со зла, не от жадности, реквизировали все сало, хлеб и тёплые вещи (кожухи, валенки, самодельные одеяла). До расположения отряда было километров тридцать, донести весь скарб было нереально. Решили часть вещей оставить у Паши дома до следующей okazji. Марии Ивановне строго приказали всё завернуть в рогожу и спрятать в сарае под навозом, который даже зимой в сарае не замерзает. Ни в коем случае не прятать в снегу, так как такой тайник легко обнаружить. Мария Ивановна ослушалась и всё оставила дома.

Тем временем ограбленная пожаловалась брату, который действительно был заместителем командира соседнего партизанского отряда. Началась проверка, у Марии Ивановны в доме нашли тёплые вещи и доставили в отряд. За мародерство и ограбление мирного населения – расстрел. В это время уже была налажена связь с Москвой, в отрядах появились комиссары, навели армейскую дисциплину. Буквально через несколько дней после «ограбления» и Пашу, и Павелко арестовали и поместили в штрафной изолятор – специальную землянку, охраняемую часовым. Землянка не отапливалась и спали заячьим сном. Поняв, что влипли по-настоящему, подбадривали друг друга куражом. И опять Паше снилась Дева Мария – мама – Маня, и просила не волноваться, убеждала, что поможет спастись, но пока не знает как.

Два Паши, когда сидели в тюрьме, не очень верили в плохой исход и даже бравировали своим «подвигом», мол, у нас неприкасаемых нет, не надо быть жлобом и прочее. Когда же часовой тихо проинформировал, что дело пахнет «керосином», хлопцы сникли. Прискакал брат ограбленной –

замкомандира соседнего отряда, и уже час из командирской землянки доносился крик двух начальников. Паша понял: решается судьба...

Арестованных вывели из землянки-тюрьмы, поставили перед расстрельной командой и огласили результаты следствия и решение суда. Приговор был коротким и состоял из двух пунктов: 1. За мародерство мирного населения, проявившееся в отношении гражданки... 2. За укрывательство части реквизированного в целях личного обогащения в условиях военного времени, партизана ФИО приговорить к расстрелу. Приговор привести в исполнение немедленно. Командир партизанского отряда имени А. Невского бригады № 25 Пономаренко Г.И. Плышевский. Послышалась команда «Цельсь!». Отделение охраны вскинуло автоматы.

Наступила смертельная тишина. Все понимали, что есть ещё и смягчающие обстоятельства – родственные связи и статус неприкасаемой. Будут ли они учтены при вынесении приговора? Не об этом ли разговаривали на повышенных тонах в командирской землянке? Команды «пли» не было. Затем из командирской землянки вышел комиссар и огласил приказ, согласно которому штрафникам необходимо искупить свою вину кровью. Через несколько дней смертники будут идти первыми без оружия, снимать часовых и добывать оружие в бою. Справятся с заданием – останутся в живых (разумеется, если выживут в бою). Справились, выжили...

Когда-то я спрашивал отца, что он чувствовал перед расстрелом. Он отшучивался: «Разве можно передать чувства? Попробуй – узнаешь... А если серьёзно, то всегда одно и то же. Время останавливается, наступает ступор и раздвоение сознания. Начинаешь видеть себя со стороны и оценивать жизнь в целом. Оценки тоже одни и те же. Ну почему так глупо и быстро всё заканчивается? В общем, становишься философом». Я вскинул на него удивленные глаза. И, не дожидаясь вопроса, он пояснил: «Ты ведь сам своей Катюше (моей младшей дочери, – прим. авт.) несколько раз талдычил про рефлексию как главный признак философии, консультируя её к экзамену».

Вспоминая этот случай, я однажды додумался до совсем уж крамольной мысли с позиций материалистической науки, которую имею честь представлять. Неужели эти смертельные риски во время войны и непосредственные свидания со смертью, которые я подробно излагаю, зафиксировались в духовном опыте моего отца настолько, что превратились в экзистенциальные детерминанты? Закрепились так прочно в его сознании, что могли быть транслированы последующему поколению (то есть мне) подобно генетическому наследованию. Я начинал постигать, чувствовать законы судьбы. Вот почему меня, Ленинского стипендиата, отличника «боевой и политической подготовки», выпускника физико-математического факультета так безудержно, как самоубийцу к пропасти, тянуло в философию. Все обстоятельства были против этой затеи, стать профессиональным философом: отсутствие разрешения поступать в аспирантуру чужого вуза, отсутствие партийной принадлежности, первая и последняя тройка по специальности на вступительном экзамене. Ничто не могло остановить меня на пути к цели. Но эта и подобные ей мысли появились значительно позже.

А в тот момент осмысления факта несостоявшегося расстрела за мародерство я бесцеремонно пытался заглянуть в душу своего отца. И задал ему ещё один вопрос: «А тяжело убить человека?». Он помолчал и ответил: «Не человека, а врага. Но тяжело... всегда тяжело. Особенно в первый раз. Содрогаешься от мысли, что ничего нельзя повернуть назад. Кто ты, что распоряжаешься чужой жизнью? Ни жизнь (в смысле рождения), ни смерть человека ему не принадлежат. Ровно как не принадлежат какому-либо другому. И в этом смысле война, как способ убийства людей, расчеловечивает человека. С технической точки зрения легче всего убить, нажимая на курок».

«А вообще, Леля (он так меня называл вслед за моей младшей сестрой Тamarой, когда та училась говорить трудно произносимое имя Валерий.), давай договоримся раз и навсегда: ты ни мне, ни кому бы то ни было никогда таких вопросов не задавай». И по тону, и по потускневшему выражению глаз я понял глубину своей глупости и бестактности. Для него, профессионального учителя, призванного «сеять разумное, доброе, вечное», возвращать жизнь, молодое поколение, необходимость становиться профессиональным воином было невероятным насилием над его духом. Это было для него противоестественным состоянием. Духовными помыслами и устремлениями учителя-воина, неоднократно побеждавшего смерть, убиение даже противника было античеловеческим деянием. Его натура, его славянский дух не мог, не хотел, всячески протестовал против насилия и смерти.

Урок № 3. Третья встреча со смертью

Когда я еду в Кутнево, всегда проезжаю мимо указателя на деревню Гуляево. Эта деревня названа в честь Героя Советского Союза, командира партизанского отряда Гуляева Дмитрия Тимофеевича, который погиб в бою с немцами и полицаями в этой деревне. В этой деревне жила связная партизанского отряда, родственница заместителя командира. Время от времени партизаны под покровом ночи навещали связную. Иногда к ней навещался и сам командир с охраной человек в пять. Через предателей об этом стало известно фашистам, и они решили взять в плен командира. Устроили засаду и открыли огонь. Мой отец и Павелко находились на выполнении разведздания. Причём были на лошадях и поэтому, услышав перестрелку, ринулись на подмогу своим. В процессе боестолкновения под Павелко убили лошадь, она завалилась набок и зажала ногу всадника. Полицая с криками «Не стрелять!» и «Братъ живым!» побежали к Павелко. В последнюю минуту Павелко выдернул ногу, сапог остался под лошадь, и побежал в сторону леса. А в это время мой отец, доскакавший до спасительного леса, развернулся и помчался к Павелко. В одно мгновение беглец запрыгнул на лошадь, и всадники устремились к лесу. Успели скрыться в лесу. Автоматные очереди сбивали ветки, и вдруг Павелко вскрикнул: «Попали гады», и стал сползать с лошади. Павелко умер по дороге в отряд. Отец пообещал отомстить за павшего в боях друга и пошёл добровольцем в Красную Армию, пошёл на фронт.

Урок № 4. Четвертая встреча со смертью

Я с удивлением обнаружил, что не только студенты, но и их родители зачастую не понимают, что участники войны были разные. Сестра моей мамы тетя Люба после освобождения Беларуси работала санитаркой в Слуцком военном госпитале и получила удостоверение участника войны. Вполне заслуженно ими были и труженики тыла – военных заводов и предприятий. Но воевали с противником лишь фронтовики, те, кто находился на линии фронта, разделявшей при помощи различных заграждений и нейтральной полосы наших и фашистов. Кроме того, следует учитывать, что линия фронта включала в себя штабы, медсанбаты, хозчасти и другую вспомогательную инфраструктуру. Иногда в период крайней усталости и неурядиц в снабжении и т.п. окопники называли остальных «тыловыми крысами». Те, кто непосредственно воевал, а не помогал и обслуживал, находились в окопах. Именно они непосредственно сражались с фашистами, ходили в атаку, были на передовой. На передовой был и мой отец. Он служил «в 96 стрел. дивиз.» – так указано в военном билете.

96-я гвардейская стрелковая Иловайская ордена Ленина Краснознамённая ордена Суворова дивизия получила задание провести разведку вражеских укреплений на противоположном берегу р. Нейсе перед генеральным наступлением, которое получило название Берлинской операции. 14 апреля 1945 года он в составе разведзвода получил приказ форсировать при помощи подручных средств р. Нейсе, захватить плацдарм, укрепиться и удерживать до подхода основных сил.

Теперь несколько слов о форсировании водного препятствия с помощью подручных средств. Это означает отсутствие всяких средств для переправы – ни понтонных, ни временно сооружённых саперами мостов, ни лодок. Вообще ничего. Опытные бойцы искали так называемые подручные средства для переправы. Обычно для этого использовали кусок бревна или доску, на которую помещали автомат, скатку-шинель и боекомплект. Одной рукой придерживали груз и опирались на бревно, другой рукой бесшумно гребли в сторону противоположного берега, на котором находился противник.

Документы оставили в расположении части у старшины. Переправа осуществлялась под покровом ночи. Когда миновали середину реки Нейсе, фашисты обнаружили разведчиков и открыли огонь с минометов, затем в бой вступила артиллерия. Начался кромешный ад: водопады воды вперемешку с разорвавшимися телами, кусками брёвен и грязи. Всё это сопровождалось оглушительным грохотом взрывов.

Впереди забрезжил спасительный берег. И вдруг снаряд с характерным воем разорвался в непосредственной близости. Ударной волной Пашу оглушило, и он пошёл ко дну. Инстинкт самосохранения сработал: он пришёл в сознание, оттолкнулся от дна и пошёл на всплытие. Однако на поверхности удержаться не смог. В воде снял сапоги, и, опускаясь до дна и отталкиваясь, по-лягушачьи, теряя сознание, достиг противоположного берега. Силы его покинули и он впал в забытье.

И опять ему снилась мадонна, которая держала на руках ребенка. И он никак не мог понять, это его мама Мария Фоминична, а он на руках у матери, или это Святая Дева Мария держит на руках Младенца Иисуса. Но почему младенец так похож на него? И вдруг мама уронила своего сыночка и он стал падать со всё большей скоростью, и, наконец, больно ударился о землю.

Паша очнулся от удара фашиста, который при помощи кованого сапога отделял жизнь от смерти, определял кто ранен, жив или мертв. Несмотря на невыносимую головную боль, звон в ушах и адскую боль правого уха мгновенно осознал – это конец. Опять начался полёт наяву, как перед расстрелом в партизанском отряде. Вместо одного Паши стало два. Один безучастно наблюдал, как немцы ходили по берегу, выискивали и добивали раненых. Другой думал: жалко, что так рано, так глупо, так бесславно... Главное – в конце войны. Состояние безразличия к происходящему и рефлексивного созерцания прервал фашист. Он наставил автомат и закричал: «Aufstehen, Russisches Schwein!».¹ Паша с трудом поднялся, прикрывая правое ухо, из которого сочилась кровь. Немец, увидев через прилипшую гимнастерку бугры мышц, подошёл и убедился, что перед ним живой, не раненый, а только контуженный солдат, причем физически крепкий. И, не отворачиваясь от Паши, он закричал офицеру: «Kann dieses mitnehmen? Er ist ein athlet und nicht verletzt».²

Урок № 5. Сколько можно играть со смертью?

Я регулярно практикую лечебные голодания. Полное воздержание от пищи от одних суток до недели, десяти дней. Максимальный срок голодания у меня 17 дней. При этом необходимо пить воду, ходить не меньше 10 км каждый день и делать очистительные процедуры. Однажды я приехал домой, пребывая неделю на голоде. Естественно, от обеда, ужина я отказался и объяснил почему.

И тогда мой отец рассказал о своём «голодании» в немецком концентрационном лагере для советских военнопленных. Первое, что бросилось в глаза – за колючей проволокой, где находились пленные, была абсолютно голая земля. Вокруг – наоборот, был зелёный ковер. Военнопленных не кормили, морили голодом... Поначалу привозили воду из речки, затем перестали даже поить. Не говоря про баланду, традиционную еду для пленных. У людей от голода и обезвоживания потрескались губы, распухли и потрескались языки... Они в буквальном смысле не могли ворочать языком. Было начало мая, весна вступала в свои права всё смелее, и всё меньше оставляла шансов узникам выжить. Война и здесь вносила свои противоестественные законы, солдаты мечтали найти спасительную тень, солнце вместо ласкового, долгожданного превращалось в пособника фашистским убийцам.

Через несколько недель, во время передислокации, когда отступали в сторону второго фронта, шли мимо поля с растущей сахарной свёклой. Пленные бросились на поле, вырывали и грызли свёклу, не успев очистить ее от земли. Раздались автоматные очереди, советские солдаты остались лежать на этом поле. Паша находился в середине колонны и не успел добыть себе вожделенную пищу.

Отступали несколько недель вглубь Германии, к границе с Чехословакией и Польшей. Во время переходов давали нечто полусъедобное, некую бурюю жидкость, и это спасало. Цель фашистов была одна – поскорее попасть в юрисдикцию союзнических войск. Обессиленных и падавших красноармейцев фашисты добивали автоматными очередями. Добралось до места дислокации не больше четверти военнопленных. Наконец появились очертания «стационарного» концлагеря с каменными бараками в каком-то предгорье (Западные Судеты, со слов Паши). Накормили баландой, состав которой определить было невозможно. После этого в лагере началась повальная дизентерия. Болезни и голод косили солдат немилосердно. Фашисты даже в конце войны, понимая, что война проиграна, относились к советским солдатам как к скоту. Они в самом деле считали славян недочеловеками, низшей расой. Последний месяц мучений и страданий в плену, которые устроили фашисты, был бесконечным и запредельным.

Паша тихо умирал, лежа на земле в немецком концентрационном лагере.

Он не знал, что закончилось страшная война и наступила Великая Победа.

Смотрел в голубое бездонное небо широко открытыми глазами и ничего не видел.

¹ Встать, русская свинья!

² Может, этого возьмем с собой? Он спортсмен и не ранен.

Точнее, ему было всё равно, что происходит в этом мире.

Жизненные силы постепенно оставляли его.

Появилась Дева-Мария.

Но сейчас он был уверен, что это была его мама Мария Фоминична.

Паша, не бойся, смерти нет. Есть вечная жизнь.

Страха смерти не было. Ничего не было.

Наступало некогда испытанное состояние умиротворения.

Появилось тихое и сладкое желание умереть.

Паше казалось, что он слышит музыку, доносившуюся с неба.

На самом деле это был триумфатор жизни – жаворонок, который из последних сил пытался удерживать Пашу на этой грешной земле.

Затем все прекратилось. Прекратился лай сторожевых овчарок.

(Немцы бросили лагерь и разбежались)

Наступила абсолютная тишина.

И опять началось падение со всё большей скоростью.

Затем его начало закручивать в воронку.

Затем началась тряска, словно он мчался на телеге по каменистой дороге.

Паша открыл глаза и увидел перед собой «чёрта», который тряс его, улыбался и что-то говорил на непонятном языке.

Ну почему в ад? Значит, все это правда...

Избавление от плена принесли американцы. И тряс его в надежде, что живой, американский солдат Джон. Понимание, что это не сон, пришло, когда негр стал тыкать ему в грудь, крича – «Сталин!» с ударением на последнем слоге. Затем он ударил себя в грудь, вопя: «Рузвельт!». Паша понял – жизнь продолжается. И зачем он хотел умереть?

А в это время в Кутнево пришла похоронка.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын красноармеец Старжинский Павел Иванович
Уроженец Минской обл. Слуцкого р-на, д. Кутнево, 1921 г.
В бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге,
Проявил героизм и мужество, пропал без вести в апреле 1944 г.
Настоящее извещение является документом
для возбуждения ходатайства о пенсии.
(Приказ НКО № _____)

В Кутнево тихо справили поминки. Было несколько человек. Ближайшие соседи. Больше всех голосила и убивалась сестра Мария. Она оплакивала своего сыночка. Иван Петрович её успокаивал, говорил, что чувствует, что жив Паша, что всё будет хорошо. Война закончится, и он вернётся домой...

Американцы подлечили и выходили пленных красноармейцев. Умерли самые истощённые «доходяги», большая часть лагеря. Живых поместили в военно-полевой госпиталь, не давали много есть сразу. Именно в американском госпитале, на территории американской оккупационной зоны Паша узнал, что война закончилась. Молодость и медицина победили смерть, через месяц американского «санатория» Паша уже стал делать элементарные физические упражнения и физзарядку. Необычное для красноармейца, едва вырвавшегося из лап смерти, занятие привлекло внимание его спасителя Джона, который с помощью переводчика узнал профессию и краткую биографию Паши.

Джон постоянно жевал жвачку, улыбался, обнажая ослепительно белые зубы на тёмном фоне и громко разговаривал с подчёркнутой артикуляцией, что было не свойственно русскоговорящим. Этот стиль говорения сразу бросился в глаза учителю-лингвисту. Джон повадился проведывать своего русского друга ежедневно и всегда тащил с собой шоколадки, галеты, тушенку. Общались «на пальцах». Особенное взаимопонимание наступило, когда он угостил Пашу американским «ви-

ски», хотя сам не пил. Паша отбросил задние мысли и выпил одну стопку за своё и Джона здоровье и почувствовал, что война наконец закончилась и для него, а он находится в американском санатории.

А Джон все время пытался что-то сказать Паше. Он тыкал в часы, потом урчал, изображая работу двигателя автомобиля. Убедившись, что Паша все понял, – что не совсем соответствовало истине, – куда-то умчался. Примерно через полчаса он вернулся, сидя за рулем автомобиля – джипа, с открытым верхом.

Паша не был трусом. С детства сознательно учился побеждать страх. Так, на спор с Толяном спал в детстве между могилками на Кутневском кладбище. Джон на военном джипе закладывал такие виражи на горном серпантине, что у Паши захватывало дух и он не мог отвести взгляд от пропасти, которая распростиралась в полуметре от переднего колеса, над которым находилось Пашино сиденье. Видя протрацию, в которую Джон загнал своего русского друга, он разошёлся ещё больше и это едва не закончилось трагедией. На одном из серпантинов они едва не столкнулись со встречным автомобилем. Колесо автомобиля Джона прошло «по-над пропастью, по самому краю». Это привело водителя в чувство и домой ехали спокойно. Затем началась агитация за жизнь в Америке. Особенно старался Джон: «доллар», «герл», «виски» – аргументы шли неиссякаемым потоком. Последним аргументом было изображение петли на шее и трудноуловимое из уст американца слово СМЕРШ. Однако что может остановить русского солдата, возвращающегося с войны по дороге домой? Нет таких сил и обстоятельств. Паша рвался домой в родное Кутнево.

Урок №6. Заключительные смертельные оскалы

Однако домой он попадет лишь через два года. После передачи бывших советских военнопленных в зону расположения Красной Армии их всех поместили в фильтрационный лагерь, где контрразведка со страшным названием СМЕРШ (смерть шпионам) начала проверку. И для учителя, солдата, красноармейца местом обитания стала опять тюрьма. Паша не отчаивался, свои, все-таки, родные, советские, разберутся по справедливости. Кто чувствовал за собой какие-то грешки, слиняли в Америку. Первый допрос был вовсе не похож на таковой. Так вначале показалось Паше. Расспросили и записали данные. Расспросили про партизанскую деятельность, фронт, стрелковую дивизию: имена командиров, друзей, их словесные портреты и много других подробностей и обстоятельств. НКВедистов было двое – капитан и старший лейтенант. Затем последовала неожиданная команда встать и раздеться. Паша обнажился до пояса. Предложили снять все, донага. Раздели, осмотрели.

– Да он цел как пасхальное яйцо. (Паша родился в рубашке, или спасла Дева Мария, или отмолил набожный Иван Петрович. Но он не получил ни одного ранения, кроме контузии).

– Смотри: нигде шкура не попорчена.

– Говоришь, воевал в партизанах? На фронте?

И цел, целехонек? Вот чудеса!

Осмотрев Пашины былые мышцы (после американского госпиталя Паша восстановил половину от того, что было до немецкого «лечебного голодания со смертельным исходом»), капитан спросил:

– Спортсмен?

– Нет, учитель.

– Учитель?

– Физкультуры?

– Русского языка и литературы.

После такого ответа НКВедисты переглянулись и старший лейтенант начал «разъяснительную работу». Он неожиданно ударил Паше в лицо кулаком, разбив губы и нос. Потекла кровь.

– Явки? Пароли? Адреса?

И ещё один удар в скулу.

– Хочешь жить – скажешь.

Если не будешь говорить, переломаем кости.

Живым ты отсюда не выйдешь.

Но все это было только прелюдией.

На следующий допрос пришли два красноармейца-амбала.

Один из них, по-видимому, был боксер.

Удары были поставлены профессионально.

В нокаут Паша отправлялся с первого удара.

Холодный душ – и все повторялось.

После очередного «разговора с пристрастием» Паша сдался.

– Хорошо. Я готов признаться. Диктуйте.

От такого кульбита НКВедисты обалдели...

А Паша им объяснил, что он не куражится над ними. Он готов подписаться под всеми показаниями, которые они ему продиктуют.

– Сам я не могу ничего придумать, т.к. не знаю.

Смершовцы переглянулись и поняли, что у Паши едет крыша, либо он не завербован.

Наступила пауза в дознании.

Паша опять вернулся в пограничное состояние между жизнью и смертью. Опять начались видения во сне и наяву.

Дева Мария шептала: «Не бойся, не убьют, скоро придёт твоё спасение». А американцы не торопились. И только после тщательного анализа отдали союзникам лагерную документацию.

Напротив фамилии Паши в лагерном спецжурнале стоял знак вопроса.

Капитан-НКВедист расшифровал так: заметили подходящего кандидата, но не успели. Никаких пометок больше не было, в отличие от других узников, которых готовили либо собирались готовить в шпионы.

Но это лишь догадка Паши. Бог смилостивился и опять спас Пашу от неминуемой гибели. Опять произошло чудо. Смерш шпионов живыми не отпускает.

– Ну что, будешь курить, солдат?

– Буду.

Хотя хотелось плюнуть в рожу.

Курить начал в партизанах. Курили самосад-махорку.

– Ну ничего, ты крепкий солдат. Ещё послужишь Родине.

Часть солдат за измену Родине расстреляли, часть отправили в советские тюрьмы. Счастливицков реабилитировали, сняли обвинения в измене Родине и отправили домой, либо дослуживать срок до 3 лет по воинским частям.

Мой отец служил в воинской части, охранявшей фронтной склад артиллерийских боеприпасов в одном из поверженных городов Германии. Уволен в запас летом 1946 года. Впереди мирная жизнь, любимая работа – Учительство.

Часть 4. Уроки по расписанию. Война и мир

Я не буду подробно описывать, как трудились обедневшие дворяне-однодворцы. Достаточно сказать, что мой отец в юности единолично лопатой выкопал небольшой пруд в конце огорода и запустил в него рыбу. По периметру седаса посадил вишни и превратил усадьбу в вишнёвый сад. Затем, создав семью, он собственноручно построил дом (кроме сруба, окон и дверей, производство которых требует специальных навыков и соответствующего инструмента), вырастил троих детей. В общем, жизнь состоялась.

Но я хотел вернуться к смыслу Учительства и этой самой духовности, которая с уходом из жизни ветеранов, поколения, опалённого войной, иссякает как родники в нашем краю после бездумной мелиорации.

Хотелось бы понять роль войны в духовном становлении человека, задать несколько риторических вопросов. Почему мой отец, как и другие ветераны, не любил говорить о войне? Почему не считал себя героем и не гордился своими боевыми подвигами. Потому что в горниле войны и страданий он и все настоящие фронтовики стали высокодуховными людьми. Они понимали истинную цену жизни: благородству, правде и справедливости с одной стороны, материальному достатку, славе и чинам – с другой. Они воспринимали войну как болезнь человечества.

Отец говорил, что ему снились сны о мирной жизни, он мечтал о конце войны. Сидя в окопе в Восточной Пруссии перед боем, он думал о том, как было хорошо в мирное время. А на дворе была

весна, жизнь оживала после зимней спячки, сияло солнышко, пригревало и ласкало, в небе заливался жаворонок, пел гимн жизни, а человек сидел в окопе и думал о смерти – либо врага, либо собственной. Жизнь или смерть, – третьего не дано... Почему так происходит?.. Через несколько минут начнётся артобстрел и жизнь превратится в ад, время остановится...перед возможной вечностью небытия. Перед боем отец говорил фронтовому другу, что глупо погибать в конце войны, что он согласен питаться хлебом и водой всю оставшуюся жизнь, если выживет. Друг ответил, что он тоже согласен на хлеб и воду. После артобстрела друг не поднялся в атаку...

Вот как об этом написал русский поэт Семен Гудзенко в 1942 году в стихотворении «Перед атакой»:

Был бой короткий,
А потом глушили водку ледяную,
И выковыривал ножом
Из-под ногтей я кровь чужую.

Я категорически против того, что заповедь ветеранов «Лишь бы не было войны», становится объектом насмешек у псевдогероев-либерастов. И почему празднование Дня Победы, смысл которого в великом христианском прощении убийц и поработителей, становится победобесием? Все обстоит с точностью до наоборот. Бесы – это побежденные, которые как звери начали уничтожать, убивать и терзать, поработать другие народы. Бесы – это те, кто считает других недочеловеками, лишает их права жить по своим верованиям и культуре, а в случае неповиновения уничтожают при помощи людей с чёрными дырами вместо душ. Ангелы – это души наших погибших солдат, которые «превратились в белых журавлей». Побежденные, но не уничтоженные бесы начали реванш, новую войну в сфере слов и пропаганды, и это приносит свои зловещие плоды... Но сейчас речь не об этих мерзавцах, реваншистах, неонацистах и прочих иудах. Людям мира следует быть бдительными.

Я манифестирую вселенское величие духа нашего народа, которое выросло и завоевано ценой многомиллионных жизней, океаном страданий, которые нельзя забывать потомкам победителей.

Мой отец очень похож на Владимира Владимировича Путина: невысокого роста, шатен, ладно скроен, физически тренирован. Я думаю, что солидная физическая подготовка позволила ему выжить в партизанах и во время войны. Вспоминаю, как он в 50-летнем возрасте сделал подъём переворотом на школьном турнире на спор с учителем физкультуры. При этом отец был одет в кожаное пальто и хромовые сапоги.

К его необычным способностям и силе духа с «уважением» относились даже животные. Вот такой пример, которому я сам был свидетелем. После свадьбы в Козловичах (Тётя Таня выдавала замуж младшую дочь Ольгу) гостей размещали на ночёвку в домах у родственников. Хозяйка предупредила, что во двор заходить нельзя – злая собака. Хозяйка первая зайдёт во двор и привяжет собаку на цепь. Пёс в это время неистовствовал, захлёбывался в злобном лае. Мой отец предложил Анне самому укротить её собаку, на что получил твёрдое «нет». Шурин моего отца решил его подначить и сказал, пусть, мол, попробует. Отец открыл калитку, наклонился перед ошетинившимся зверем, расставил руки и глядя ему в глаза, скомандовал: «В будку!». Пёс развернулся, заскулил как побитая собака и спрятался в будку.

Я думаю, что война стала главным событием жизни фронтовиков, она сделала их другими, лучше и чище нас. Именно военной закалкой можно объяснить «странное» поведение моего отца, когда он стал объяснять прописные истины и азбуку нравственности зарвавшемуся шофёру грузовика с помощью понятной всем педагогики. «Водила» на просьбу помочь погрузить свалившееся сено во время перевозки, ответил, что он на работу грузчиком не нанимался. И отцу приходилось вначале вилами закидывать сено в кузов, а затем лезть и укладывать его, чтобы не свалилось. Дело было зимой, мороз 29 градусов, не меньше, а водитель в это время отогревался в кабине. На войне такое поведение было бы немыслимо. Павел Иванович рывком открыл дверцу машины со словами: «Сейчас ты поймёшь, как Родину любить». Водитель, вываливаясь из машины, неожиданно наткнулся на кулак. Фронтовые аргументы сделали своё дело. Водитель сделал даже больше, чем его «настоятельно попросили». Поставив машину в гараж, он помог перетаскать сено с улицы на сеновал. Затем был ужин, разошлись заполночь друзьями.

Однако «воспитательные мероприятия» имели неожиданные последствия. Назавтра водитель пришёл на работу с фингалом... Как человек прямодушный, он рассказал, что на своём челе он несёт следы воспитательной работы партизана и фронтовика учителя Козловичской средней школы Старжинского Павла Ивановича. Водители веселились от души и несколько раз «на бис» просили рассказать приключение, которое с каждым разом обрастало новыми подробностями. На беду, водитель жил по соседству с директором школы. После того как она услышала об инциденте, директриса пришла к водителю домой и настойчиво посоветовала написать заявление в милицию. Десятку, учителю 15 суток обеспечено, вещдоки на лице. Следует поставить хулигана на место. Тем более, учитель. Какой пример для подрастающего поколения? Она даже предложила помощь в написании заявления. Шофёр обещал подумать. Мне кажется, что не только люди войны, но и послевоенное поколение были твёрже в своих нравственных убеждениях и чётко понимало, где работает живая совесть человека, а где мёртвый формальный милицейский закон. Шофёр, к его чести, заявление писать не стал.

А я, вспоминая эту историю, подумал о другом. В это время начинал строиться город Солигорск. Туда на работу требовались специалисты разных профессий, в том числе и учителя. У Паши был шанс устроиться на работу в Солигорск. В течение года специалистам давали квартиры. Тем более, в Солигорске работал строителем его друг детства Толян, осуждённый за пособничество фашистам на 15 лет лагерей и отбывший срок от звонка до звонка. Временно проживал в Кутнево в родительской хате и призывал Пашу переехать в Солигорск. Кстати говоря, по совести, осуждён Анатолий Михайлович был несправедливо, так как не заслужил столь сурового наказания. Однако не будем вдаваться в детали, оставим это повествование до следующего раза и вернёмся к основной линии. А впрочем, пора подвести черту и закончить счёты с этой проклятой войной. И помнить о главном – Великой Победе, торжестве, величии и милосердии славянского духа. Фронтовики познали истинную цену жизни, когда их собственная жизнь висела на волоске, стали нравственным камертоном послевоенного бытия всего общества. Они стали Учителями не только в школе, но и по жизни. Победа. Победители – это наше всё. Мы будем помнить о них всегда. И гордиться.

